

ОНТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ТРАНСФОРМАЦИЯХ И ДЕВИАЦИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В. В. Зинченко

*Национальный Центр международных исследований
Украинский гуманитарный институт*

Поступила в редакцию 15 сентября 2011 г.

Аннотация: *исследуются процессы трансформаций в развитии современных моделей индустриальных социальных систем, тенденции функционирования личности в структурах общества, в частности в сферах экономических производственных отношений, политической власти, психической идентификации. Анализируются явления противоречий разных уровней общественной жизни, в том числе социального и психического, экономического и политического, идеологического и духовного.*

Ключевые слова: *практика, отчуждение, власть, господство, репрессивность, производство, корпоративное государство, социальная память, товарный фетишизм, социальная революция.*

Abstract: *in the article the processes of transformations are probed in development of modern models of industrial frames of society, tendency of functioning of personality in the structures of society, in particular, in the spheres of economic production relations, political power, psychical authentication. The phenomena of contradictions of different standards of the public living are analysed, in particular, social and psychical, economic and political, ideological and spiritual.*

Key words: *practice, alienation, power, domination, repressiveness, production, corporate state, unconscious, social memory, commodity fetishism, social revolution.*

Модели взаимодействия и взаимоотношений процессов поведения личности, индивидуального выбора, бессознательных психических факторов, приобретения социальных ролевых статусов со структурами общества являются предметом обстоятельного анализа многих исследователей, прежде всего тех из них, которые стремятся к объективной и многогранной концептуализации социально-исторических идей современного западного марксизма (неомарксизма, постмарксизма) и социальных направлений современного психоанализа. Базовым для них является понятие «*практики*», которая рассматривается максимально широко, как актуализация первичных аспектов психического и социального, лингвистического и производственного, политического поведения человека: стремления и выбора.

В современном неомарксизме в этом контексте личное бытие рассматривается как совокупность разных конкретных практик, которые поддаются аналитическому распределению, в результате чего из множественного числа их разновидностей можно выделить основные: *экономическую, политическую и идеологическую*, рас-

смагивая их как основополагающие для всех типов обществ и индивидуального развития. Явления «политического» и «идеологического» общественного бытия приобретают более широкое значение и фактически включают в себя большинство аспектов социальной жизни. «Реальный субъект, индивид в его неповторимой сущности, не является автономным “Я”, которое сконцентрировано на самом себе, на “сознании” или “существовании” – то ли существовании сознания, собственного тела или “поведения”; человек-субъект не имеет “центра”, являя собой структуру, которая также, если и имеет “центр”, то лишь в ошибочных представлениях самого “Я”, то есть в тех идеологических образованиях, в которых оно себя “познает”» [1, S. 70]. Во взаимоотношениях трех основных уровней общественной организации каждый из них владеет собственной своеобразной совокупностью экономико-социальных и психических специфик, собственной логикой отношений этих составных личностных частиц, их внутренней структурой. Поэтому каждый из этих общественно-индивидуальных уровней имеет определенное общественно-индивидуальное проявление, формируя специфические комплексные связи между собой. Это проявляется в определенной автономности уровней и в своеобразной двусмысленности их причинных связей. Идеология и политика не являются простым следствием экономики, их отношения не имеют жестко детерминированного характера. К тому же они способны осуществлять обратное влияние на экономические отношения.

Содержание социальной системы в целом возможно рассматривать как результат взаимоотношений противоречий разных уровней общественной жизни, в частности социального и психического, экономического и политического, идеологического и духовного. Эти взаимоотношения могут быть двух разновидностей: или противоречия разных уровней усиливают друг друга, или они взаимно гасятся. Результатом первой разновидности взаимоотношений может быть революция в широком смысле (как тотальная трансформация социума и типов мировосприятия), а результатом второго – стагнация и упадок. Личностное поведение является достаточно сильно детерминированным социальными структурами. Деятельность создает впечатление «свободного выбора», а основой создания двойного впечатления служит функциональное существование «государственного идеологического аппарата», который существует до появления отдельной личности, и большинство ролей, какие мы можем избрать в нашей социальной жизни, уже существуют в нем. Мы рождаемся для выполнения ролей, подготовленных предварительно.

Наше ощущение собственной субъективности (свободы воли) возникает из деятельности (практики), уже подготовленной и лишь ожидающей, когда мы начнем ее воплощать. Осуществляя действия в предложенной системой манере, исполняя роли, подготовленные до нас, мы приходим к уверенности в «авторстве» своих действий. Вопрос заключается в том, каким образом возможно сохранить некоторые черты, неопределенные социальными структурами, чтобы отбросить априорное стремление любой общественной системы (в том числе репрессивной), предотвратить «Большой отказ» (по терминологии Г. Маркузе) индивидов от жесткой социальной детерминации их поступков, сформировать более широкое пространство для «авторской» личностной практики.

По мнению М. Фуко, современный человек является существом, которое порождается в значительной мере карательными методами и аппаратом власти. Че-

ловеческая душа рождается из процедур наказания и присмотра, наказания и принуждения. Существующие в обществе карательные аппараты власти основаны «на трех больших схемах: политико-моральная схема индивидуальной изоляции и иерархии; экономическая модель силы, которая используется в принудительном труде; психико-медицинская модель лечения и нормализации. Тюремная камера, мастерская, лечебница» [2, р. 248]. М. Фуко специально обращается к анализу карательных механизмов государственной власти, которые подавляют и притесняют человеческую личность. В концепции «генеалогии власти» он выделяет три основные разновидности наказания, которые существовали и функционировали в ту или другую эпоху. В Средневековье главной формой наказания была публичная казнь, которая осуществлялась как праздничный театрализованный ритуал. В эпоху Просвещения, публичное наказание было заменено на мгновенную нейтрализацию и ликвидацию нежелательных системе элементов. Главным же наказанием современной эпохи, которая начинается на грани XVIII–XIX вв., является тюремная изоляция.

Развитие общественно-государственной репрессивности тесно связано с формированием представлений о психической норме и патологии. Если в Средневековье и эпоху Возрождения между умом и неумным существовало органическое единство, то XVII в. разрушил это единство, резко противопоставив ум глупости, что выразилось в создании определенных госпиталей, куда направляли всех тех, кто не вписывался в жесткие рамки общепринятых критериев нормы. В большей части таких госпиталей больные содержались так же, как преступники в тюрьме. Психиатрия как отрасль медицины, согласно Фуко, возникла именно в результате социального заказа и подобного явления изоляции. То есть в тот период врачи заинтересовались разными формами психических заболеваний не в результате развития медицинских знаний, идей гуманизма, а прежде всего, благодаря изоляции, политической репрессивности и созданию общих тюремных госпиталей. Именно социально-политические факторы обусловили появление «медицинского восприятия безумия», т.е. отделение от других форм нерационального поведения. Это, в свою очередь, связано с тем, что господствующий тип знания («взаимосвязь слов и вещей») является обусловленной той или иной «социальной механикой», «социальной технологией», совокупностью экономических, социально-политических условий жизни общества, государственно-правовыми институтами власти.

«Критическая психиатрия», которая основана на идеях и концептуальных схемах критической теории социальных исследований, отмечает, что «шизофрения достаточно часто является ярлыком, который цепляется на определенные личности агентами господствующей культуры и ее государственной структуры» [3, р. 123]. То, что иногда рассматривается как психическая болезнь, в действительности во многих случаях государственной репрессивности и «репрессивной толерантности» необходимо рассматривать как выражение отчужденного социального уклада. Поскольку в этом случае шизофрения – это «ярлык», который используется в политических целях, то тем самым разрушается авторитет психиатра и медико-социального механизма, который он представляет. Психическая болезнь приобретает политическую окраску, «пациент» становится жертвой социального контроля, психиатрия – техникой такого контроля. Как отмечает Д. Купер, шизофрения в этом случае должна пониматься не как болезнь отдельного человека, а

как некоторая «микросоциальная кризисная ситуация, в которой поступки и вся деятельность человека инвалидизируется другими в результате определенных культурных причин к такой ступени, на которой она признается «душевнобольной», что в дальнейшем утверждается юридически» [4, р. 16].

Современное индустриальное общество, невзирая на высокий уровень технологического развития, является в скрытой форме достаточно несправедливым и антигуманным, поскольку это общество формирует так называемых «одномерных людей», людей-марионеток, мыслями и поведением которых легко манипулировать. Современное «*позднекапиталистическое*» общество, манипулируя общественным и индивидуальным сознанием, становится репрессивным орудием угнетения свободы человека. Еще в большей мере это касается обществ «*раннекапиталистического*» и «*переходного*» («транзитивного») типов, где уровень репрессивности есть главным образом явно, а не скрыто насильственным и является основным методом социального управления. Безумие в большинстве случаев, кроме органических и генетических патологий, является укорененным не в самой личности, а в системе тех отношений, в которых данный человек принимает участие; шизофрения в репрессивных обществах является не чем иным, как более или менее характерным средством разрушения группового поведения.

Р. Лейнг выделяет определенный современный тип семьи, который именуется им «*нексусом*» или «узлом». В такой форме семьи общее существование ее членов учреждается на чувствах страха, взаимной подозрительности, психического и физического насилия, репрессии и террора, который продуцирует те или другие психические заболевания. Патогенным фактором шизофрении им объявляется постоянно возникающие в семейных отношениях парадоксальные, конфликтные ситуации, для которых являются характерными недоразумения, взаимное недовольство, обман, смущение, мистификация. При этом подобного типа ситуации часто не осознаются людьми, хотя они постоянно чувствуют несносность своего положения. В то же время, *психическое отчуждение* является непосредственно связанным с *отчуждением социальным, с экономическим фетишизмом*, который превращает человека в определенную товарную функцию. Современное общество надевает «смирительную рубашку» репрессии на каждого человека начиная с его рождения. В условиях тотального отчуждения, угнетения человека внеличностными силами властвования шизофреником может оказаться тот, кто просто не является способным осуществлять свои нормальные реакции, чтобы приспособиться к ненормальному обществу, в котором постоянно сталкивается с конфликтными анонимными отношениями иерархии, господства и подчинения на уровне и общества, и семьи.

В контексте сегодняшнего всеобъемлющего безумия, отмечает Лейнг, то, что мы называем нормой, здоровьем, свободой, все наши пункты отсчета являются сомнительными и двусмысленными. Человек, который стремится быть скорее мертвым, чем «красным», считается нормальным. Человек, который говорит, что потерял душу – сошел с ума. Человек, который утверждает, что кто-то является низшей расой, может быть достаточно уважаемым. «Государственные деятели мирового значения, которые щеголяют и угрожают тем, что у них есть оружие Страшного суда, являются гораздо более опасными и гораздо более отчужденными от реальности, чем значительное количество людей, на которых прицеплен ярлык “душевнобольного”» [5, р. 12].

Ж. Лакан считает, что средой психоанализа является речь человека. Недовольство субъекта является укорененным в самом дискурсе. Оказывается, что в субъекте существует изначальное отчуждение от своей собственной сущности, которое вынуждает конструировать свое существо как Другое. Это недовольство объектом, в котором его желание является отчужденным, и чем больше оформляется этот объект, тем более углубляется отчуждение субъекта от его наслаждения. При этом субъект ощущает агрессивность и *фантазм*. Фантазм («призрак», «привидение») является продуктом фантазии, который отображает в искривленной форме действительное желание человека. Он является в то же время реализацией иллюзии желания и защитой от реального объекта последнего. У Лакана фантазм – одна из ключевых категорий. Фантазм – это материя того «Я», которое является изначально вытесненным.

Лакан пишет, что вопрос о фантазме – это вопрос о функциях бессознательного и о создании объекта на поздних ступенях психического и социального развития [6, р. 250]. Лейтмотив фантазий можно выразить следующим высказыванием: «Я был этим лишь для того, чтобы стать тем, кем я могу быть». Лишь с обращением к бессознательному стало возможным возобновление сознательного дискурса субъекта. В актуализации в дискурсе фантазматических отношений может происходить регрессия. Согласно Лакану, бессознательное – это история субъекта, которая прошла сквозь цензуру и соответствует запасу слов и особенностям их использования. Симптом психо-социального нарушения проявляется в анализе языка, поскольку он сам структурирован как язык, то и является языком.

С помощью слова бессознательное впервые начинает именовать себя. Желание человека получает свой смысл в желании Другого, потому что его главным объектом является признание со стороны Другого. С момента «стадии зеркала» в онтогенезе человека, т.е. с идентификации себя с зеркальным двойником, с образом своего идеального «Я», наступает момент фиксации на этом мнимом образе. Происходит порабощение собственной свободы в угоду другим. Отчуждение человека от своей настоящей сущности, которое начинается на данной стадии, углубляется по мере вхождения субъекта в поле речи Другого на онтогенетической ступени «*символического*». Рост отчуждения вызывает протест. Но протест, согласно Лакану, является безнадежным. Это ситуация вынужденного выбора: или отказа от удовлетворения своих скрытых желаний (наслаждения) и получения возможности продолжать свою жизнь как член «культурного» (господствующего типа) общества, или отказаться от этого и оказаться вытесненным из жизни, однако так и не удовлетворить желания (случай аутизма). Подчиняясь речи Другого, принимая чужую интерпретацию своего запроса, человек уже в период детства выражает свой запрос в «подсказанных» ему словах, все более отдаляясь от своего искреннего, истинного желания. У человека появляются новые желания, которые подсказываются господствующим типом общественной культуры, но в его «Я» навсегда залегает глубокая трещина. Лакан называет такого «окультуренного» субъекта «*кроссированным*» субъектом, поскольку он вынужден вечно «перебегать» от одного «означающего» желания к другому.

Однако реального Другого не существует, нет кого-то конкретного, на кого было бы можно перенести ответственность за невозможность получения наслаждения (истинной самореализации), и субъект переносит вину на свое «Я» – возникает

бессознательный «*комплекс кастрации*», признания собственного несовершенства и нецелесообразности. Перверт представляет себя Другим, чтобы обеспечить себе наслаждение; невротик представляет себя первертом, но уже для того, чтобы удостовериться в существовании Другого. Порочная перверсия, которая находится в основе невроза, присутствует в бессознательном невротика как фантазм Другого. Это определенная защита от запрета перехода грани в наслаждении. Невротик держится мнимой кастрации и не желает жертвовать это свое отличие наслаждению Другого, поскольку он представляет, будто бы Другой требует его «кастрации», т.е. ограничения психосоциальных потенций и возможностей. Социальный психоанализ показывает, что желание и в нормальных, и в аномальных случаях регулируется подобной «кастрацией» – идентифицируя господствующие общественные символы с образами закона. Символизация охватывает всю жизнь человека. Желание быть удовлетворенным в человеке требует признания в символе или же в сфере мнимого, что оказывается в поисках речевого согласия и борьбе за престиж.

Задание психоанализа, согласно Лакану, заключается в том, чтобы ввести в субъекта частицу реального. «Подслушивая» у анализируемого речь Другого (т.е. недореализованного в то время, когда мир субъекта был настолько же фрагментированным, как и он сам), аналитик превращает речь в «*полную речь*» Другого, интерпретируя субъекту старый, прошлый запрос, провозглашая просьбу Id («Оно» – бессознательное) к субъекту, в результате чего Другой превращается в место, где молвило Оно. На месте ожидаемого человеком бессознательно господствующего обладателя, который навязывает идеалы и ценности, находится «*объект а*» (от *autre* [фр.] – «*другой*») – то, что человек любил и недолюбил, ненавидел и недоненавидел в своем детстве. Целью лакановского психоанализа является реконструкция структуры бессознательного, сущности психоневротических расстройств на основе реконструкции и трансформации потоков речи, в которых в скрытом или явном виде проявляется глубинный социально-психический «язык» человека, – бессознательное.

С точки зрения Ж. Делеза и Ф. Гваттари, картина бессознательного не может быть редуцируемой к абстрактным элементам лакановского *Символического треугольника* (реальное, воображаемое, символическое), она намного сложнее, ее необходимо рассматривать в аспекте не только семейных отношений, но и, прежде всего, отношений социально-исторических и политико-экономических. Разнообразные формы психической патологии обусловлены преимущественно социальной структурой общества, системой общественно-экономических, государственно-юридических институтов. Делез и Гваттари в своем труде «*Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*» подчеркивают, что классический и лакановский психоанализы рассматривают «амбивалентный» характер семейных отношений в качестве главной причины психических аномалий человека, не выходя за узкие пределы матрицы «отец – мать – сын».

В центре внимания этих исследователей находится вопрос шизофрении, которая рассматривается в широком социальном контексте как продукт деспотии и угнетения, существующих в обществе. Традиционная

мифологема комплекса Эдипа рассматривается как «терапевтическая модальность капитализма», поддающаяся не просто изменению (наподобие лакановского), а радикальному преодолению. «Эдипов треугольник», его фокусное содержание связаны не с межличностными отношениями в патриархальной семье, а с реальными социальными отношениями господства и угнетения в разных типах капитализированных обществ. Экономический, политический, эстетичный и мировоззренческий протесты не являются «Эдиповым бунтом» детей против родителей; это как бы своего рода шизофренический (с точки зрения аппарата господства) протест против репрессивного влияния на человека деспотических порядков общества.

Поэтому главной целью *шизоанализа* Делеза и Гваттари является определение того, каким образом социальная среда, капитализированное общество опутывают, блокируют, угнетают и трансформируют желание человека. Главной категорией избирается «*желающее производство*» (*production desirante*) – социально-психические «больные», социальные институты, и в конечном итоге все живое рассматривается как образующие желание машины. Шизофреники – это не только психические больные, но и все те, кому надоело экономически фетишизированное или репрессивное общество, кто отбрасывает его законы и живет согласно законам естественного «производства желания». По мнению Делеза и Гваттари, производящие желание «машинь» могут быть как кодируемыми, так и декодированными, т.е. такими, которые имеют определенную структурную упорядоченность или лишены ее. Если процесс кодировки превышает уровень переданной информации, то декодирование, напротив, снижает ее упорядоченность, тем самым растет энтропия в социальных процессах, и, как следствие, общество теряет контроль над производящими желание «машинами».

Абсолютным пределом декодирования является шизофрения; в некоторые моменты истории человечества уровень кодировки драматично уменьшался, против чего общества, государства и культура вели постоянную борьбу, стремясь снизить рост энтропии. Одной из форм этой борьбы было образование патриархальной формы семьи.

Если в предыдущих капитализму формациях, утверждают Делез и Гваттари, «производящие желание машинь» осуществляли более или менее стойкую кодировку потоков желаний, то капиталистические общества являются единственной социальной системой, которая конституируется исключительно через декодирование этих потоков. Тем самым это общество разрушает «производящие желание машинь», их коды, порождая разнообразные шизофренические заболевания.

Изначально функционирование «производящих желания машин» было территориальным, привязанным к земле, к определенному пространству. Однако потом, в условиях капитализации общества, возник процесс «детерриторизации», отделение «производственно-желающих» машин от пространства общественной жизни. «Декодирование потоков и их детерриторизация в совокупности обнаруживают главную тенденцию

капитализма, предел которого является сугубо шизофреническим» [7, р. 45]. То есть экономически товарная фетишизация отношений между людьми и обществом является главным виновником развития в обществе «шизофренического» отчуждения.

Шизофрения в этом случае – это не болезнь отдельного человека, а специфическое средство расширения социального поля в условиях индустриально-товарного общества. Наподобие того, как у психически больного существует свой специфический язык и форма поведения, так и у тех, кто принимает участие в процессах протеста, формируется своеобразный привилегированный язык, который может поддаваться психоаналитическому расшифровыванию. В пределах такого понимания некоторых психических патологий, психиатрическое исследование приобретает социальные черты, превращаясь определенным образом в политическую дисциплину. Болезнь рассматривается как своеобразная форма политического протеста, который в процессе исследования оказывается стремлением устранить насилие, эксплуатацию и тиранию как специфическое «политическое диссидентство». Как отмечает Р. Ликтмен: «Невозможно адекватно охватить жизнь человека без сосредоточенного учета взаимосвязей между пониманием Фрейдом репрессивного бессознательного и открытием Марксом фетишизма социально-экономических структур» [8, р. 10].

Общее, «конвергентное» в идеях этих мыслителей, которые могут быть применены для преодоления экономико-политических и социально-психологических кризисов современности, это, прежде всего, просвещение и рационализм, проблема отчуждения, фетишизма и ошибочного сознания. Однако для Фрейда объективная реальность, которая существует вне и независимо от сознания, принципиально непознаваема, познавательными являются лишь феномены, а бессознательное является настоящей психической реальностью, которая для нас сущностно неизвестна, поскольку инстинкт никогда не сможет стать объектом сознания. Для марксизма, во всех его направлениях, ошибочные формы нашего сознания являются необходимым проявлением отчужденного общества. Иллюзии возникают тогда, когда субъект ощущает свою деятельность как отделение от своего собственного контроля, как проявление социального отчуждения.

Фрейд подчеркивал неограниченное господство бессознательного над сознанием, непримиримый конфликт между ними, безгранично онтологизируя структуру психического, в результате чего само отчуждение, господство иррациональных сил в человеке превращаются в фатум. Он недооценил значение социально-экономических факторов. Необходимо учитывать тот факт, что сознательное и бессознательное являются не только сферами индивидуально-естественного, но и социально-исторического бытия человека. Бессознательное является выражением сверхперсонального отчуждения людей и совмещается с марксистской концепцией фетишизма и овеществления. Р. Ликтмен обнаруживает в психоанализе раскрытие индивидуально-репрессивного, а в марксизме –

социально-структурного бессознательного, которое является следствием репрессивного общественного угнетения [8, р. 205]. Социальная структура детерминирует индивидуальную репрессию; взаимосвязи между репрессивным бессознательным и структурным являются диалектическими. Каждое из них обуславливает и определяет другое.

Бессознательное не следует отождествлять только с определенной совокупностью психических процессов. Оно характеризует также некоторые формы социального сверхиндивидуального поведения людей, развития и функционирования культуры и социума (нормы и стереотипы, идентификация, наследование, социально-культурные мифы и тому подобное) [9, р. 184]. Поэтому вместе с понятием *«психическое бессознательное»* представляется необходимым выделить и *«социальное бессознательное»*. Оно является такими формами культуры, поведения и познания, влияние которых актуально не осознается и не контролируется людьми. Марксистская теория обращается к социальному бессознательному в анализе сущности явления *товарного фетишизма*. Она связывает сознательное с видимостью предметных форм социального бытия, с тем, которое проявляется на поверхности вещей и явлений, а бессознательное рассматривается как некоторая другая «реальность», как то, что характеризует сущность. *«Видимость противоречит сущности*. Видимостью здесь *сознательно установлен закон* государственного строя, а сущностью – его бессознательный закон, который находится в противоречии к первому. Сознательно установленный закон здесь не выражает того, что является заложенным в природе вещей; напротив, он составляет противоположность ей» [10, с. 282–283].

Бессознательное в своей основе детерминируется обществом, которое порождает иррациональные страсти и наделяет своих членов разнообразными выдумками, превращая таким образом истину в пленницу порочной рациональности. Репрессивное бессознательное в своей основе является социальным. Фундаментальные противоречия индивидуальной социальной жизни возникают в результате иррациональности социальных структур.

«Структурное бессознательное» является распадом отчужденной системы общественных отношений, которые были конституированы капитализированной реальностью и идеологией. *«Репрессивное бессознательное»* – это резервуар биологических влечений, которые возникают в результате непримиримых конфликтов между скрытой капитализированной реальностью и действительностью, видимостью. Структурное и репрессивное бессознательное находятся в неразрывном единстве, зеркально отображаясь друг в друге. Тем самым бессознательное проявляется не только в качестве биолого-психической, но и в качестве социальной реальности. В «демистификации» и реконструкции социальной жизни достижения марксизма состоят в выявлении идеологии и ошибочного сознания с помощью концепции товарного фетишизма, раскрывая то, как отношения между людьми принимают видимость отношений между вещами, что, в свою очередь, порождает разнообразные иллюзии,

деперсонифицированные представления о человеке. Психоданализ, в свою очередь, устанавливает, что глубинные конфликтные социальные структуры маскируются с помощью феноменальных форм индивидуальной жизни, мистифицируя (отчуждая) глубинную изначальную сферу бессознательного.

Критический, «негативный» социальный психоданализ исследует субъекта, субъективность которого угнетается обществом и государством, определяя, что эксплуатация парализует личность как активную историческую силу. «Негативный психоданализ знает лишь негативные взаимосвязи; он рассматривает психические формы, которые отклоняли и разрушали историческое и классовое сознание» [11, р. 98].

В любой социальной революции всегда есть момент контрреволюции, поражения, возобновления власти и господства, который связан с существованием в самом человеке бессознательных иррациональных сил, которые препятствуют возможности его освобождения от пут социального, экономического и психического отчуждения. В значительной мере это является связанным с явлением так называемой «социальной амнезии» – процесса потери общественной памяти как некоторой социальной болезни. Это одна из разновидностей отчуждения, репрессии, которые общество осуществляет над своим собственным историческим, интеллектуальным прошлым, идеологией, духовной культурой.

Анализ данного отчуждения происходит из концепции «овеществления» («*реификации*») Маркса. Первичным моментом данной концепции является идея о том, что в процессе развития социально-экономических систем отношения между людьми принимают видимость отношений между вещами. Возникает своеобразная иллюзия надделения вещей свойствами человеческого субъекта (персонификация). Одно из проявлений овеществления – фетишизм предметных форм (товаров, идеологических, религиозных, юридических символов, языка и т.п.). В наибольшей мере овеществление является присущим для индустриальных, капитализированных обществ, когда господство приобретает форму доминирования вещей над человеком, которое проявляется и в психологическом измерении как скрытая репрессия над человеческой и социальной активностью. Социальная потеря памяти является одной из главных форм овеществления. «Социальная амнезия» проявляется в том, что идеология при определенных исторических условиях проявляется как извращенное, порочное сознание, как совокупность абстрактных лозунгов и политических страстей. Такое использование идеологии является характерным не только для консервативных или репрессивных политических сил, но и для леворадикального сознания с его отбрасыванием значения теории и субъективистским толкованием революции. «Политические левые не избежали разрушительного действия социальной амнезии и субъективного редукционизма. Социальная амнезия в среде левых приобретает две формы: создание новых мгновенных теорий реформы и революции, а также все большего обновления старых лозунгов и тактик» [11, р. 4].

Социальная амнезия возникает как процесс разрушения социальной памяти, которая существует в обществе в виде коллективного опыта человечества, замены его тотальностью господства идеологии. Социальная память является не просто хранилищем знаний и духовной культуры, а активным процессом отбора информации по уровню полезности ее для прогресса человечества, храня, в первую очередь, ценный опыт предыдущих поколений, их достижения в духовной и материальной жизни, в науке и технике, искусстве и мировоззрении. В условиях антагонистичного общества усиливается и углубляется процесс разрушения социальной памяти, который оказывается в разных формах отчуждения личности в обществе и семье.

Характерной чертой современной семьи в условиях господства овеществления человека является так называемый *«новый нарциссизм»*. «Новый нарциссизм является продуктом родителей, которые не могут или не хотят обнаруживать власть, базирующуюся на реальном, а не авторитарно-господствующем авторитете. Послабление родительской авторитетно-ценностной власти, в свою очередь, объясняется вмешательством экспертов социальных агентов и инструктивной литературы в процессе принятия индивидуальных решений» [11, р. 170].

«Новый нарциссизм» связывается, во-первых, с появлением такого типа семейных отношений, в пределах которого дети все больше и больше выходят из-под контроля ценностного родителей, а на смену патриархальной семьи приходит семья «нарциссическая». В такой семье родители не обращают внимания на детей, власть отца теряет здесь свою силу и, соответственно, фрейдовский комплекс Эдипа в классической форме не имеет доминирующего значения. Во-вторых, это связано с процессами либерализации сексуальных норм и поведения человека, послаблением табу и запретов в этой сфере. В процессе либерализации отношений между полами, усилении культа потребления в обществе сексуальность «теряет свое взрывное и индивидуальное измерение. Она не может быть более отделенной от папирос, пива, шампанского» [11, р. 188]. Фиксируется факт сексуального отчуждения в условиях товарного общества, усиление отношений между полами в форме купли-продажи. Отчужденная сексуальность и мировоззрение, в свою очередь, способствуют формированию нарциссических характеров, которые пассивно адаптируются к потребительскому образу жизни. Не покоряясь родительскому авторитету в семье, человек с нарциссическим характером в то же время находится в полной зависимости от государства, его политики и идеологии.

Классическая семья, которая была объектом анализа Фрейда и которая базировалась на родительском авторитете, еще не была на грани распада и разрушения. В этой семье власть отца была суровой, строгой, но не грубой и жестокой. Она не ставила себе целью тотальное подчинение человека, порождала потребность в эмоциональном тепле и ласке отношений. Однако в последующем авторитарная семья все больше превращается в нарциссическую, в которой власть отца является низведенной до минимума. Нарциссизм ведет к росту индивидуализма в семей-

ных отношениях, к отказу от этических представлений об обязанности родителей перед детьми и долга последних перед ними.

Кризисные явления в семье в значительной степени связаны с культом потребительства, с нарастанием господства массовых стереотипов эгоистичного гедонизма. Нарциссический характер является связанным с особенной разновидностью гедонизма, который «является экономным, используя свою энергию не в бездумном потреблении, а скупко используя ее в соответствии с нормами и возможностями. Принцип обмена, собственные орудия капитализма, разрушает семью, гедонизм же уничтожает ее» [11, р. 190]. Гедонизм трансформирует в разрушении семейные отношения всех уровней, поскольку культ потребления приводит к моральной, психической и физиологической деградации человека и семьи.

Причиной этого и яркой особенностью является «*корпоративное государство*» – продукт сочетания финансово-промышленных и торговых корпораций с политической властью государства. Она воплощает в себе специфическую форму рациональности, которая является индифферентной ко всем вопросам о смысле и ценностях человеческого существования. Данная особенность превращает корпоративное государство в антигуманную силу. Рациональная, однако неподконтрольная человеку система государственной власти эксплуатирует и в конечном счете разрушает природу и сущность человека. «Организация и бюрократия, которые появились только как приложения к современной психологии и социальным институтам, неумолимо диктуют нам, как мы будем жить дальше, навязывая логику организационных структур, которые разрушают все другие ценности» [11, р. 6]. Демократические системы и индивидуальные свободы капитулируют перед гигантскими административными учреждениями и корпорациями – бюрократическое своеволие занимает место формального права. Труд теряет любой творческий и жизненный смысл кроме вопроса физиологического выживания.

Индивид не в состоянии найти творческое воодушевление и в сфере культуры, поскольку она приобрела форму коммерческого предприятия, в понимании которого человеческая жизнь и потребности личности должны фабриковаться наподобие товаров для прибыльной распродажи. Отдавая свою энергию и большую часть своего времени деятельности отчужденных от человека учреждений, современная личность утрачивает семью, из которой выхолощивается ее настоящее назначение, теряет реальность отношений общения и дружбы и, что является самым главным, – способность к творческому воображению и деятельности, модернизируя себя в качестве производственной силы массового технологическо-коммерциализированного общества. Основными ценностями данного типа общества, которые в то же время являются эффективными рычагами социального управления, есть рациональная иерархическая дисциплинированность и иррационализированное массовое потребление (как основная форма межиндивидуальных отношений).

Человек осуществляет преступление против самого себя, если превращается в инструмент, предназначенный для достижения какой-то внеш-

ней, чужой для него цели. Этот индивид находится в состоянии самоотчуждения и превращается в «разлаженное», «общественно-шизоидное» существо, которое откладывает на неопределенный срок реализацию настоящего смысла своего бытия. «Необходимо жить со всей полнотой в каждый момент, но не так, как этого требует неограниченное «теперь» рекламного сюжета, а в соответствии с понятием абсолютной целостности, которую можно выразить в заповеди: Будь верным самому себе и честным перед собой» [12, p. 242].

Принцип господства должен быть упраздненным не только на общественном, но и, прежде всего, на индивидуально-психическом уровне в социальных ориентациях поведения человека. Не существует преимущества одного человека над другим, а должно быть постоянное стремление к преобладанию над самим собой в своем развитии, которое конституирует уникальность и неповторимость каждого «Я». Противоположностью этому являются отношения безличной функциональности, которые опосредуются социальной ролью индивида, базируясь на принуждении и манипуляции другими людьми. Поскольку современный человек в значительной мере преобразован и вынужден исполнять социальную роль потребителя, постольку возможность возобновления своей власти над неконтролируемой производственно-товарной «мегамашиной» зависит от изменения сознания потребительской массы, освобождения от принудительного включения рекламных идеологий всех сортов в свое мировоззрение. «Великим вопросом нашей эпохи является то, каким образом существовать в технологическом обществе: какое движение и какой образ жизни смогли бы сохранить духовность человека и даже именно его существование в условиях господства тех сил, творцом которых он сам же и был» [12, p. 16]. Этим и определяется понятие труда, оно охватывает все остальные сферы, но лишь негативно, оттеняя их как зависимые от себя. На место товарного производства должны прийти открытая дискуссия, обсуждение и общее принятие решений членами общества относительно разумного использования ресурсов. Господство товарно-денежного труда раскалывает человеческую индивидуальность. Оно отделяет экономического субъекта от гражданина, личности, абстрактное публичное от абстрактного частного и противопоставляет изолированного одиночку его собственному общественному целому как чужой, господствующей над ним силе. «Прогресс превратился бы в этом случае в прогрессирующее притеснение, а «промедление» в осуществлении свободы угрожало бы стать самодостаточным и увековечиться» [13, S. 374]. Наоборот, противник господства товарно-денежного труда стремится к ликвидации этого состояния путем присвоения общественного целого сознательно и осознанно действующими людьми.

Концепция неомарксизма сосредоточена на понятии «разума». Согласно ей, донныне общественная теория сохраняла свое право на существование именно настолько, насколько ее разум еще не получал своей практической реализации в человеческом бытии: «донныне она жила тем, что разум еще не был действительностью» [14, S. 103]. В анализе явления

рациональности неомарксизм исследует «буржуазное» понятие разума. Разум – это критический лозунг, с помощью которого гегемония ведет борьбу против всех, кто препятствует ее политическому и экономическому развитию. Толкование мира как мира рационального заключало в себе в первую очередь возможность понять и изменить его с помощью деятельности человека, который основывается на познании.

Неомарксисты пришли к выводу, что в качестве силы, которая разрушает разум, выступают не только «институты господства», обусловленные функционированием экономики. Еще большую опасность несут в себе идеология, техника, «технологическая рациональность», которые ведут к товарно-вещественной технизации всех сфер жизни современного общества. Рост производительности, увеличение экономической мощности создают парадоксальную ситуацию: по мере увеличения власти человека над природой растет его зависимость от идеологической экономико-политической техники, технического аппарата господства [15, S. 43]. В трактовке неомарксизма все современное общество проявляется как воплощение «технологической рациональности», которая организует и контролирует производство, экономическое хозяйствование и служебную бюрократию, труд и свободное время людей. Техническая цивилизация полностью растворяет собственное «Я» человека, устраняет последнюю разделяющую инстанцию между индивидуальным поведением и общественной нормой и превращается в конечном счете в стихию бесчеловечности. В этих условиях социально-экономические и социально-политические отношения, которые играли решающую роль в доиндустриальных обществах, теряют свое определяющее положение и поглощаются технико-организационными взаимосвязями. «Технологический универсум становится политическим универсумом – самой последней ступенью осуществления специфического общественного проекта, а именно превращения природы как голого материала господства» [16, S. 28].

Критическая социальная, экономико-политическая и психологическая теории стремятся по-новому определить общественный и индивидуальный разум. Они считают, «что индустриальное общество создало условия для осуществления разума и свободы, но этому осуществлению препятствует именно капиталистическая организация» [17, S. 307]. Эти предпосылки имеются в наличии. Они также показывают, что, невзирая на существенную связь между капиталистической производительностью и общественно-справедливой свободой, социальная революция (как тотальная комплексная трансформация экономико-политической и идейно-психологической структур) нужна для того, чтобы осуществить этот переход, который, однако, должен принести нечто большее, чем освобождение и рациональное использование производительных сил, а именно освобождение самого человека: уничтожение его порабощения инструментами его же труда, мышления и тем самым полную переоценку всех общепринятых ценностей. Лишь это «большее» превратило бы количество в качество и создало бы другое, нерепрессивное общество, что означало бы четкое отрицание капитализма.

Свобода может стать истинной необходимостью, если она сама по себе является истинной. Свобода должна выйти за пределы необходимости. Свобода возможна лишь постольку, поскольку происходят детерминированные процессы, поскольку эта детерминированность является познаваемой, поскольку человек может планировать в соответствии с детерминантами и осуществлять свои планы, по крайней мере, в определенном объеме. В недетерминированном невозможно ни планирования, ни запланированных действий, ни реализации планов. «В строгом смысле освобождение предусматривает свободу» [13, S. 271]. Свобода может быть осуществлена лишь в том случае, если ее проводниками и носителями являются свободные индивиды, освобожденные от потребностей и интересов господства и притеснения. Общественная революция должна первоначально идти через свободу и ради свободы, иначе будет сохраняться принцип притеснения, будет неминуемым фатальное разногласие между «непосредственными» и «истинными» интересами индивидов. Тогда индивиды станут объектами их собственного освобождения, а свобода – делом администрации и декретирования.

Общественную революцию неомарксизм понимает как уничтожение этой детерминации. В мире освобожденного человека должно быть нечто большее, чем только экономика. Более того, приматом в этом мире должно быть именно неэкономичное, человеческое. В этом аспекте общественная собственность и плановое производство (*собственность и тип производства*) существенно теряют свой доминантный характер в интересах идеи человеческого счастья. Любой новый общественный строй должен доказать свою высшую ценность не только путем экономических достижений, не только с помощью экономических принципов производительности, а именно благодаря этике, которая, будучи взятой автономно, формирует свое реальное содержание. Разумная гражданская социальная структура требует создания предпосылок освобождения человека, общества и человечества: полного развертывания производительных сил, симбиотического взаимодействия с природой, создания материальных богатств для удовлетворения основных потребностей всех членов общества.

Литература

1. *Althusser L. Das Kapital lesen / L. Althusser, E. Balibar.* – Hamburg : Rowohlt, 1972. – 313 S.
2. *Foucault M. Discipline and Punish : Birth of the Prison / M. Foucault.* – London : Vintage Books, 1977. – 523 p.
3. *Leech K. Youthquake : The Growth of a Counter-Culture / K. Leech.* – London : Sheldon Press, 1993. – 231 p.
4. *Cooper D. Psychiatry and Anti-Psychiatry / D. Cooper.* – Boston : Paladin, 2002. – 192 p.
5. *Laing R. The Divided Self / R. Laing.* – Harvard : Darton, Longman and Todd, 2001. – 341 p.
6. *Lacan J. Intervention sur le transfert / J. Lacan // Lacan J. Ecrits.* – Paris : A.L.I., 1996. – 408 p.

7. *Deleuze G.* Capitalisme et schizophrénie : L'Anti-Oedipe / G. Deleuze, F. Guattari. – P. : Minuit, 1975. – 463 p.
8. *Lichtman R.* The Production of Desire : The Integration of Psychoanalysis into Marxist Theory / R. Lichtman. – New York : The Free Press, 2002. – 482 p.
9. *Benjamin I.* The Oedipal Riddle : Authority, Autonomy and the New Narcissism / I. Benjamin // The Problem of Authority in America / ed. by J. Diggins and M. Kann. – Philadelphia : Temple University Press, 1981. – 224 p.
10. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М. : Госиздат, 1958. – Т. 1.
11. *Jacoby R.* The Politics of Narcissism / R. Jacoby // The Problem of Authority in America. – Boston : Norton Lasch, 1995. – 281 p.
12. *Reich Ch.* The Greening of Society / Ch. Reich. – New York : Bantam Books, 2007. – 306 p.
13. *Marcuse H.* Vernunft und Revolution / H. Marcuse. – Darmstadt, Neuwied : Luchterhand, 1979. – 399 S.
14. *Marcuse H.* Philosophie und kritische Theorie / H. Marcuse. – Frankfurt a/M. : Verlag, 1985. – 204 S.
15. *Habermas J.* Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus / J. Habermas. – Frankfurt a/M. : Suhrkamp Verlag, 2002. – 195 S.
16. *Habermas J.* Bedingungen für die Revolutionierung spätkapitalistischer Gesellschaftssysteme, in Marx und die Revolution. Mit Beiträgen von Bloch/Marcuse/Habermas/Fischer/Künzli/Fetischer/Markovic/Tadic/Fromm. – Frankfurt a/M. : Suhrkamp, 1970. – 244 S.
17. *Schmidt A.* Zur Idee der Kritische Theorie / A. Schmidt. – München : Freiheit, 1994. – 370 S.

Национальный Центр международных исследований

Украинский гуманитарный институт

Зинченко В. В., профессор, заведующий кафедрой менеджмента; заведующий отделом глобалистики, геоэкономики и геополитики

E-mail: viktor-zinchenko@yandex.ru

Тел.: +380973818997; +380957633533

National Center of International Researches; the Ukrainian Institute of Arts and Sciences

Zinchenko V. V., Professor, Head of the Department of Management; Head of Department Globalistics, Geo-economics and Geopolitics.

E-mail: viktor-zinchenko@yandex.ru

Tel.: +380973818997; +380957633533